

«Всё горит и ничего нету»

16 июня 2023

Первого июня после обстрелов и столкновения с украинским ДРГ началась эвакуация пограничного Шебекина. Сейчас город закрыт, большая его часть эвакуирована, но внутри ещё остаются люди, брошенные животные и бойцы теробороны, которые патрулируют улицы для предотвращения мародёрства. За пределами города в пунктах временного проживания ночуют тысячи жителей, оставивших свои дома. Журналист «Новой вкладки» отправился в закрытую зону в машине патруля, чтобы поговорить с людьми, спасающими своё имущество, и понять, что их ждёт дальше.

«В час — обстрел, потом у них обед, потом снова обстрел»

Дорога в сторону Шебекина затянута дымом: ракеты «Града» [попали](#) в лакокрасочный завод, поэтому уже вторые сутки в воздухе оседает едкая пыль. Накануне сгорели многоквартирный дом, продуктовый магазин, парковка. Сегодня — что-то ещё. Шебекино с начала июня разносят на куски,

а те, кто не эвакуировался, выживают в оставленных подвалах. За прошлую неделю, если суммировать сводки губернатора Гладкова, на область упало около двух тысяч снарядов.

— В час, три и пять часов дня от города лучше держаться подальше, — объясняет Антон, сотрудник охранной компании «Гиппеаструм», пока мы мчим по трассе.

Чоповцев наняли шебекинские фирмы, чтобы вместе с казаками и теробороной они патрулировали улицы, защищая магазины от мародёров.

— В это время начинаются самые страшные обстрелы. В час — обстрел, потом у них обед, потом снова обстрел, — добавляет Антон.

Дым от обстрела в Шебекинском районе

Шебекино — четвёртый по численности город в Белгородской области. К началу спецоперации здесь проживало 40 тысяч человек. Окраины утыкаются в границу. С 1 июня воды, света и газа нет. Когда начались бои с украинскими диверсантами, губернатор области Вячеслав Гладков объявил [эвакуацию](#) детей. Тогда же вышел приказ о закрытии въезда в город. Обстрелы продолжались.

Люди в белгородском пункте временного размещения рассказывают, что выезжали на чём могли: и на бронетранспортёрах, и на эвакуационных

автобусах, и на своих и соседских легковушках. Они думали, что скоро смогут вернуться назад. Въезд в Шебекино закрыт до сих пор.

К вечеру город погружается в темноту. Иногда из одной точки в другую проносится маркированный буквой Z автомобиль теробороны. Местные жители знают окольные поселковые дороги, по которым можно пробраться в город мимо блокпостов. Антон рассказывает, что окраинные улицы они стараются проскакивать: те лучше просматриваются с дронов, и по машинам стреляют. Из всех щелей выскакивают брошенные собаки. Нежные и одинокие, они бросаются под ноги, рассчитывая на еду. Хозяева не успели их забрать, и теперь животные бегают по городу стаями. Тёплые холодильники в домах без электричества постепенно нагреваются, и подъезды заполняются едким запахом.

Сгоревшая квартира в Шебекино

Воронка от прилёта ракеты РСЗО «Град» на окраине Шебекино

В некоторых сгоревших квартирах в Шебекино ещё можно увидеть невредимую бытовую технику

— Поймали одного мужчину, он был пьяный, полез в магазин, хотел попить воды. Но там, куда он полез, воды не было, там только компьютеры. Скрутили бедолагу и вывезли на пост. Там его пробили по базе — он оказался прапорщиком-пограничником. В тот же день уволили. В основном мародёры — это «синева» и те, кому нечего терять. Выходят в сумерки и рано утром, чтобы не светить фонариком.

Недавно был другой случай: мимо магазина проходил мужчина, увидел, что магазин открыт, все эвакуировались, — полез внутрь, взял водку, сигареты. Вернулся домой, посидел, подумал, решил, что ему везёт и нужно ещё раз попробовать. Снова залез внутрь, но тут подъехали люди. Решив, что его сейчас загребут, он быстро сориентировался и встал за прилавок, сделав вид, что он кассир: начал продавать воду и брать деньги. В этот момент приехали напарники Антона, и «кассира» раскрыли.

Рейд против мародёров ЧОП «Гиппеаструм» проводит каждый день. Помимо этого, они развозят мирным жителям гуманитарку и помогают с эвакуацией. Оружия им не выдают: у каждого при себе только газовый баллончик и нож. Теробороне оружия тоже не выдают. Короткий курс по тактической медицине проводил военный инструктор. Сегодня знания пригодились: женщина порезалась стеклом, разбитым мародёрами. Пришлось останавливать кровь и везти пострадавшую в больницу. Скорые сюда не ездят — только пожарная машина, бронированная дополнительным листом.

— В первый день, когда начался обстрел, помню, как сбоку от тротуара лежал инвалид — прятался за кустами. Рядом бабушка пыталась спастись на велосипеде, — рассказывает напарник Антона. — Начался обстрел, мы быстро погрузили их в машину, вывезли. Велосипед в кусты выкинули: он всё-таки дешевле жизни.

Стена жилого дома в Шебекино, посечённая осколками

Мы проезжаем мимо улиц, разбитых снарядами. Окна посечены осколками — так же, как и стены с надписями «Укрытие». Высунувшись из окон, парни поглядывают вверх, пытаясь высмотреть дроны. Рядом с граффити «бабушки с флагом» на центральной площади тлеет административный корпус.

В соседнем дворе тоже горит дом. Ночью в него попала ракета, средние этажи провалились внутрь. На ветках висят детские игрушки, словно это выкинутые люди. Вдруг во двор заезжает машина с дырками в стекле и из неё выпрыгивают две женщины: мать и дочь. Секунду они смотрят на тлеющий бетон — и тут же бросаются наверх, чтобы спасти вещи.

— Где помощь, мальчики? Почему все молчат? — кричит младшая, пока кидает вещи. — Где наши защитники? А эта помощь десять тысяч — на что нам, к чёрту, эта помощь, если мы без ничего остались?! Мы же здесь жили... Подгоните вы эти вертолёты и, извините, ебаните их по два раза. Где Россия? Что вы делаете? Зато по телевизору погоду показывают...

— Бабушка-соседка вчера была в этом подъезде, она хоть живая? — спрашивает в никуда мать.

Второпях в сумку складываются детские фотоальбомы, документы, вещи. На полу — разбитое стекло. Обе со слезами запрыгивают в машину и уезжают. Второго июня другие две женщины тоже [пытались](#) покинуть город, но рядом упал снаряд — и они погибли.

Антон и его напарник из ЧОП «Гиппеаструм» поят собаку, брошенную во время эвакуации

Многоквартирный дом в Шебекино, сгоревший от попадания ракеты

Антон и его напарник заклеивают дверь в разбитый магазин, чтобы защитить его от мародёров

К догорающему дому подходит мужчина. На вопрос, как он, отвечает:

— Дома побили, нас бросили на произвол судьбы. Вчера мы стояли на улице — и прилетело три пакета «Града». Всё горит, и ничего нету. Знаете, как сейчас будет: беспилотник полетает, а потом — прилёт. С утра до вечера бомбёжка, целыми днями, каждый божий день. Тут же остались люди. Старикам приходится воду носить, хлебом делиться, картошку всю уже раздали. Хоть бы свет вернули..

— Почему не уезжаете?

— Мы отсюда никуда не поедem. Если будут наступать, мы будем воевать, нам терять нечего.

Мы отъезжаем в сторону границы. Отсюда до точки, где шли бои с ДРГ, меньше пяти минут езды. Украинское правительство официально [отрицает](#) участие своих военнослужащих в операциях на границе Белгородской области, а всю ответственность на себя берёт «Русский добровольческий корпус». Антон и его напарник делают рейд по магазинам, проверяя целостность дверей. Где-то двери закладывают, заклеивают окна, ищут следы взлома.

— Ты слышишь свист, а потом раздаётся взрыв. Страшно, конечно. Недавно во время обстрела погиб беженец, который приехал в Шебекино с Волчанска (*город на востоке Украины. — Прим. ред.*). Попытался убежать подальше от всего этого, а здесь его прибило. Рядом лежала женщина, которая шла в аптеку. Забежала за угол — и её прибило. На стенке разорванное мясо. Кровь, алая такая. Такое себе, конечно. Жилы, ошметки...

Мы выезжаем из Шебекина, и в зеркале заднего вида на горизонте поднимаются столбы дыма. Как будто это не город, а огромная производственная фабрика.

«Мы убежали от войны и снова к ней вернулись»

На стадионе «Белгород-Арена» организован пункт временного размещения беженцев. Сотни людей ночуют на койках с животными и детьми. С верхних

трибун заполненный стадион напоминает москитную сетку. Иногда вдоль коек проходит врач, меряя давление. Тем, у кого стресс, дают успокоительное, питание тут ежедневно трёхразовое.

Граффити «Бабушка с красном флагом» на площади Шебекино

На одной из коек сидит женщина с ребёнком, они стали беженцами в третий раз: сперва — в 2014 году, когда началась война на Донбассе, затем — в 2022-м, во время спецоперации. Спасаясь от боевых действий, они бежали в сторону России. Так оказались в Шебекине. Женщина нашла работу на автомойке, сделала российские документы, мальчик поступил в школу. Теперь их снова ждут только ПВР и неизвестность.

— Как быть дальше, мы не знаем, взяли первое, что попало в руки, у нас нигде нет родственников. Мы сами беженцы из Украины, пересекли границу, когда начался вывод войск из Волчанска.

Мальчик бледный и всё время молчит. Последний год из-за обстрелов школы в Шебекине не работали, дети учились дистанционно. Единственная помощь, которую они получали, — единоразовая выплата в десять тысяч.

Мальчик с матерью-беженкой в пункте временного размещения в Белгороде — Мы убежали от войны — и снова к ней вернулись...Таких обстрелов, как вчера, никогда не было. Я рассчитывала, что российское правительство нас защитит, теперь разочаровалась даже в этом. Всё начинать опять с нуля...

— Надеетесь, что сможете вернуться в Шебекино?

— Если не зайдут украинские войска. Мы себя там чувствовали почти как дома, начали выходить гулять на улицу. Всё было нормально, пока не начались обстрелы.

Многие жители помнят, как в начале спецоперации через границу Белгородской области в Украину шли военные колонны. Потом обратно, когда российские войска отходили из Харьковской области. Тысячи беженцев тогда остались жить на пограничье, в таких городах, как Шебекино. Одна из женщин рассказывает, как она сотрудничала с российской разведкой: давала координаты, полезную информацию. Когда начался обстрел, трубку никто не взял, и ей пришлось выбираться с матерью самой. «Если позвонят, скажу: снимите с меня позывной, я больше не хочу. Они говорили, что я их козырь, а теперь мы остались одни».

В коридоре включён телевизор. В какой-то момент по Первому каналу показывают кадры из пункта временного размещения, и старики, повернувшись на бок, начинают с интересом смотреть в экран.

— Здесь свободно? — Нет, здесь занято, здесь мой ребёнок, — слышно на фоне.

«Одни эвакуировались — их по пути осколками убило»

Мы подъезжаем к дорожной развязке у Масловой Пристани, куда стекаются беженцы из Шебекина и Новой Таволжанки. Официально въезд в эту зону [закрыт](#), поэтому люди останавливаются у дороги и просят забрать родных, записывая адрес на бумажке.

Беженцы ночуют вместе со своими домашними животными, которых удалось спасти во время эвакуации

В результате обстрелов жители Шебекино массово эвакуируются из города

Многие беженцы в лагере не знают, что их ждёт дальше, въезд в Шебекино остаётся закрыт

В разговоре Антон делится теорией, что по лакокрасочному заводу ударили

специально — чтобы город задохнулся. В Шебекине находятся крупные предприятия, которые приносили прибыль: сапфировый завод, машиностроительный, макаронная фабрика, известная на всю страну. Завод «Монокристалл», машиностроительный завод и лакокрасочный «Краски Белогорья» разбиты во время прилётов. На их восстановление, по словам губернатора Вячеслава Гладкова, [понадобится](#) около 13 миллиардов рублей.

Помимо боев на окраине Шебекина, диверсанты также пытались проникнуть в Грайворон и Новую Таволжанку. Область обстрелов шаг за шагом расширяется, затрагивая всё новые сёла. Следы боёв с «Русским добровольческим корпусом» до сих пор остались на дороге: сожжённая техника, осколки, пустые доты и надпись «ПРИВІТ З БАХМУТА!».

На днях ВСУ пытались перебить подстанцию в селе и обстреляли улицу, но вместо подстанции снаряды залетели в чей-то огород, спалив участок.

Мы медленно осматриваем местность, двигаясь по полупустым улицам. Говорят, сюда уже сбрасывали мины-лепестки, поэтому приходится смотреть под ноги. Единственное пятно на горизонте — старик с косой в руках, он чистит тропинку рядом с заросшим домом.

— Куда уезжать, в Белгород? — передразнивает он, когда мы спрашиваем его про эвакуацию. — А шо там, не стреляют? Везде стреляют. Вот одни эвакуировались — их по пути осколками убило. Он-то знает, — говорит старик и нервно поднимает палец вверх, — кому, когда и где умереть.

— Он — это кто, Бог?

— А кто же ещё.

— Дрон.